

Аделаида Николаевна Паевская
Виктор Гюго. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175441

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

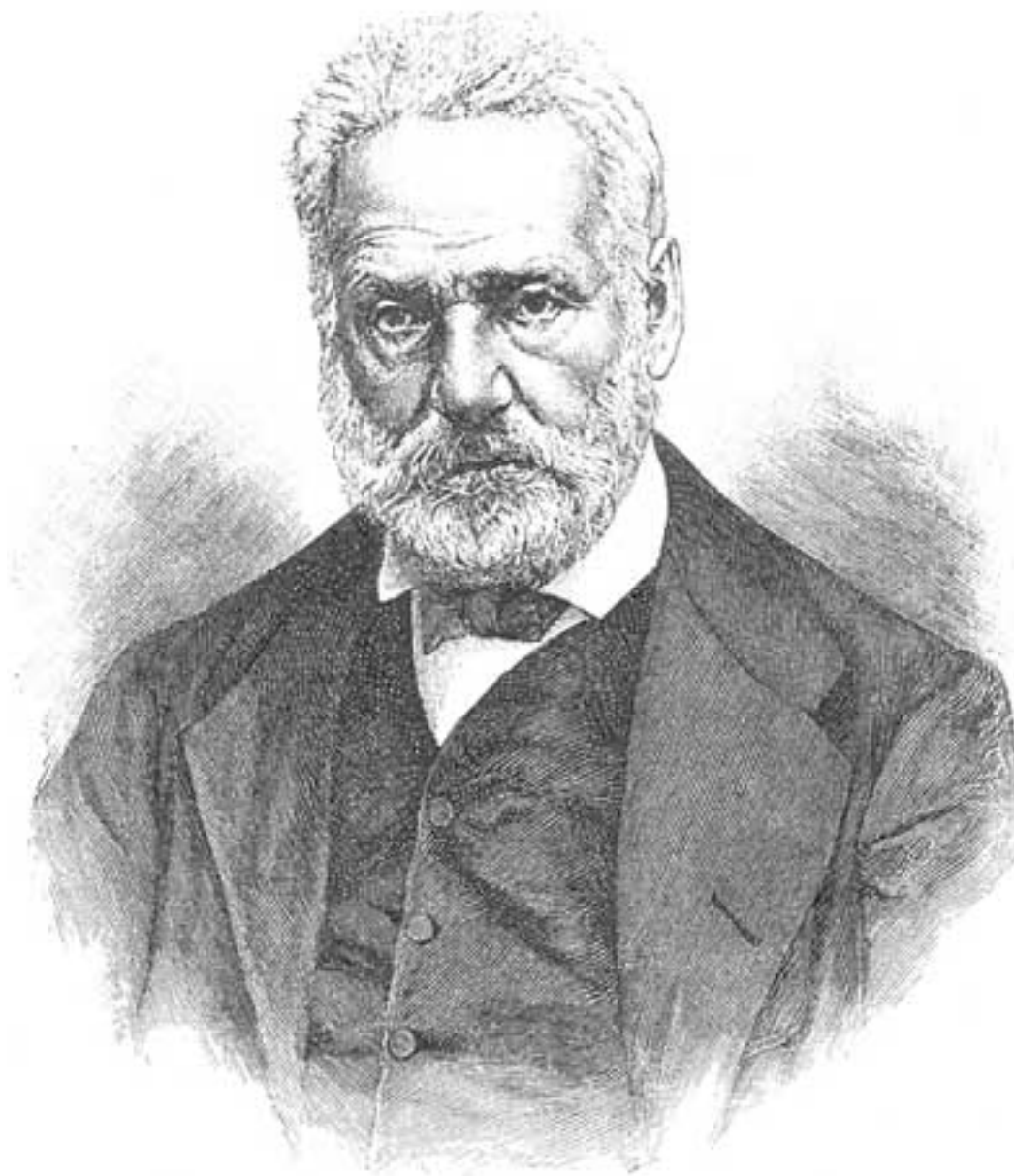
Введение	5
Глава I	7
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

А. Паевская

Виктор Гюго. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. Н. Паевской

С портретом В. Гюго, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Виктор Гюго умер в Париже 22 мая 1885 года, в час с половиною пополудни.

Всю предыдущую ночь, несмотря на дурную погоду, многочисленная толпа стояла перед его домом, ожидая сведений о больном, положение которого за последние дни волновало всю Францию. Время от времени кто-либо из домашних выходил на улицу, чтобы передать толпе ожидаемое известие, и оно тотчас разносилось по всему городу, несмотря на поздний час и не перестававший проливной дождь. Когда тысячам людей, окружавшим дом, сказали, что великого поэта и гражданина, великого «сторонника всепрощения» не стало, — послышались громкие рыдания. Печальная весть разнеслась с быстротою молнии и чуть не весь Париж столпился вблизи дома Виктора Гюго. На улицу вынесли два стола с книгами, куда каждый мог вписывать свое имя, — тут же поставили корзины для визитных карточек. Посетители нескончаемой вереницей направились в дом с намерением выразить свое сочувствие домашним; рядом с представителями прессы здесь были и правительственные лица, и простые рабочие, и светские люди, и члены муниципального совета, и художники...

Между тем в комнате умершего известный скульптор Далу делал гипсовый слепок с лица поэта, фотограф Надар ожидал своей очереди для снятия фотографии, живописец Бонна делал эскиз для портрета и Леон Глэз рисовал карандашом профиль покойного. В это же время мировой судья XV городского округа накладывал печати на все вещи, находившиеся в доме, как того требуют законы о наследстве во Франции.

Семейство Виктора Гюго, состоявшее из внуков его, Жанны и Жоржа Гюго, их матери, г-жи Локруа (во втором браке), и ее мужа, г-на Локруа, было погружено в глубочайшее горе. У покойного была также дочь, но она уже лет тридцать не жила с семьей, находясь в доме умалишенных.

Виктор Гюго лежал на кровати из черного дерева; смерть не изменила благородного лица поэта — казалось, что он только уснул. Руки его покоились на одеяле. Постель, так же как и вся комната и весь дом, была усыпана цветами, которые в несметном количестве приносились парижанами. Похороны решено было сделать за счет нации, так как вся Франция глубоко чувствовала постигшую ее потерю. Палата депутатов вотировала для этой цели кредит в 20 тысяч франков. На основании законного постановления день похорон был провозглашен днем народного траура: все места общественных служб были закрыты, так же как и все учебные заведения. Когда в палате депутатов и в сенате узнали о смерти Виктора Гюго, то в знак траура заседание было прекращено; то же сделала Академия во всех своих пяти отделениях одновременно. Такой чести еще никто не удостоивался во Франции.

Набальзамированное тело покойного было на сутки выставлено среди весьма торжественной обстановки под Триумфальной аркою на Елисейских полях, чтобы дать всем желающим возможность поклониться ему.

Вот письмо, написанное президентом республики депутату Локруа:

«Любезный г-н Локруа! Прошу Вас, так же как г-жу Локруа и всех членов семейства Виктора Гюго, принять выражение моего живейшего участия. Если что-либо может смягчить Ваше горе, то это единодушное сожаление всей Франции и всего цивилизованного мира, это бессмертие гения, который не перестанет парить над теми, кто был ему близок. Верьте, прошу Вас, любезный г-н Локруа, моим чувствам дружеской преданности.

Жюль Гревй».

Муниципальный совет, изыскивая средства воздать наиторжественнейшие почести человеку, бывшему одновременно французским Шекспиром, Ювенолом и Вергилием, выразил желание, чтобы снова вступил в законную силу декрет Учредительного собрания от 2 апреля 1791 года или, во всяком случае, первые два пункта этого декрета, гласящие:

«1) Новое здание, построенное во имя Св. Женеьевы (Пантеон), предназначается для принятия бранных останков великих людей эпохи французской свободы.

2) Законодательный Корпус один будет иметь право решать, кому должна быть оказана эта почать».

Министерство, поговорив об этом, не решалось сделать подобного предложения, боясь протеста со стороны духовенства. Тем не менее предложение было внесено в палату Анатолем де ла Форжем, и декрет, подписанный президентом и министрами, появился в официальном журнале 28 мая. И действительно: у Англии есть Вестминстер, где похоронены Шекспир, Байрон и Ливингстон; у Италии есть Санта-Кроче, где поживает Микеланджело, есть и грандиозный храм Агриппы, где покоятся останки Рафаэля и Каррачи,— теперь и Франция снова вернула подобное же назначение своему Пантеону.

Глава I

Родословная Гюго.— Семья Гюго.— Рождение поэта.— Первые его воспоминания.— Домашнее воспитание В. Гюго.— Путешествие в Испанию.— Возвращение в Париж.— Дружба с Адель Фуше.— Вступление союзной армии во Францию.— Падение империи.— Разлад в семье Гюго.— Жизнь и воспитание В. Гюго в пансионе Декотт.— Первые литературные попытки.

Во французском гербовнике, составленном Гозье в прошлом столетии, помещена родословная фамилии Гюго. Она происходит от Жана Гюго, капитана в войсках Рене II, герцога Лотарингского. Сын Жана, Жорж Гюго, получил 14 апреля 1535 года потомственные дворянские грамоты от кардинала Иоанна Лотарингского. От Жоржа Гюго, в седьмом колене, рожден был отец поэта, Жозеф-Леопольд-Сигисберт Гюго, имевший право на графский титул, как все генералы империи. Людовик XVIII впоследствии утвердил его в маршальском звании. Титула графа он сам не хотел носить. Некоторые из лиц, занимавшихся историческими исследованиями родословных французского дворянства, оспаривали, впрочем, происхождение Виктора Гюго от Жана Гюго, указывая на то, что дед поэта был простым рабочим. В числе предков и родственников Виктора Гюго следует упомянуть о Шарле-Луи Гюго, умершем в 1739 году. Будучи доктором и профессором богословия, он устроил типографию в своем премонстранском монастыре и под конец жизни получил звание епископа Птолемаидского. Мать поэта была дочерью богатого нантского арматора. Ее строго католическая семья отличалась преданностью Бурбонам. Граф Константин-Франсуа де Шассебеф, под псевдонимом «Вольней» написавший «Развалины» («Les ruines»), был двоюродным братом г-жи Гюго.

Отец поэта, Леопольд Гюго, поступил на службу кадетом в 1788 году, будучи четырнадцати лет от роду. В семье было семь братьев. Пятеро было убито в начале войн, последовавших за Великой французской революцией; шестой, «дядя Луи», дослужился до чина пехотного майора. Отец поэта получил звание генерала. Он воевал в Вандее; в 1795 году его отряд разбил и взял в плен Шаретта. В это время Леопольд Гюго познакомился со своей будущей женой. Свадьбу отпраздновали в Париже. Виктор родился 26 февраля 1802 года, после того как семья переселилась в Безансон. Отец не особенно радостно встретил его появление на свет — ему хотелось иметь дочь, так как, помимо Виктора, у него уже было два сына. Вот что пишет о рождении поэта «один из свидетелей его жизни»:

«Я много раз слышал рассказ о том, как родился Виктор Гюго. Он был, по выражению окружающих, „не длиннее столового ножа“. Когда его спеленали и положили на кресло, то он занял так мало места, что рядом с ним могло бы поместиться еще с полдюжины таких же крошек. Позвали его братьев взглянуть на него. Он был так жалок и некрасив и так мало походил на человеческое существо, что полуторагодовалый толстяк Эжен, едва начинавший говорить, вскрикнул увидев его: „Ай, зверюшка, зверюшка!“»

Несмотря на малоутешительные предсказания врача, «зверюшка» поднялся на ноги и вырос, хотя был сначала очень слабого здоровья. Ему не было еще и года, когда генерала Гюго перевели на остров Эльбу; здесь будущий поэт начал лепетать первые слова свои на итальянском языке. В течение зимы 1805 года генерал Гюго последовал за Жозефом Бонапартом в Неаполь, а семью отослал в Париж. К дому, где она поселилась, относятся первые сознательные воспоминания Виктора Гюго. Он помнит, что во дворе была коза и колодец под ивой,— здесь он часто играл. Живя в этом доме, он ходил в школу на улицу Монблан. Особенно врезалось ему в память, как он исполнял там роль «ребенка» в пьесе под заглавием «Женевьева Брабантская», где участвовала также дочь его учителя, мадмуазель Роза.

Вскоре отец его предпринял экспедицию против знаменитого калабрийского «Фра Дьяволо», окончившуюся поимкою этого легендарного разбойника, перешедшего впоследствии в область оперных либретто. Затем генерала Гюго назначили командиром полка «Рояль-Коре» и губернатором Авеллино. Он уже два года находился в разлуке со своими домашними и тотчас призвал их к себе. Но только-только семья успела устроиться на новом месте, как Жозеф Бонапарт перешел в Испанию, и генерал Гюго должен был последовать за ним. Мать и дети вернулись в Париж и поселились здесь в Фейльянтинском переулке.

Дом, где они жили, остался навсегда в памяти Виктора Гюго. Обширная квартира семьи была на первом этаже, в глубине двора, отделенного от улицы красивою чугунною решеткою; из большой и очень высокой гостиной балкон вел в сад, полный цветов, любимых г-жою Гюго. Налево к саду примыкал большой пустырь, где были глубокие ямы, кучи мусора и высохший бассейн, на дне которого маленький Виктор устраивал западни для тритонов.

Вот как поэт в 1875 году описывает свое жилище и жизнь семьи в нем:

«В начале этого столетия маленький мальчик жил в большом уединенном доме, окруженном обширным садом, среди одного из самых пустынных кварталов Парижа. Этот дом до революции назывался Фейльянтинским монастырем. Ребенок жил там с матерью, двумя братьями и старым священником, дрожавшим при воспоминании о девяносто третьем годе; это был почтенный старец, некогда подвергавшийся преследованиям и теперь снисходительный; он учил детей – много по-латыни, немного по-гречески – и ничего не говорил им об истории. В глубине сада росли очень высокие деревья, среди них пряталась старинная, полуразрушенная часовня. Детям было запрещено ходить так далеко. В настоящее время эти деревья, эта часовня и этот дом исчезли. Улучшения, свирепствовавшие в Люксембургском саду, дошли до Валь-де-Граса и уничтожили этот скромный оазис – там проходит теперь большая, довольно бесполезная улица. От Фейльянтинского монастыря осталось немножко травы, да часть стены с обвалившейся штукатуркой, еще виднеющаяся между двумя новыми постройками... На все это стоит смотреть только глубоким взором воспоминаний. В январе 1871 года прусская бомба упала в этот уголок, продолжая улучшения, и г-н Бисмарк окончил то, что было начато Гаусманном.

В этом доме росли во время Первой империи три маленьких брата. Они играли и трудились вместе, начиная жить, не зная будущности, наслаждаясь весною жизни и природы, полные внимания к книгам, к деревьям, к облакам, прислушиваясь к щебетливым хорам птиц, под наблюдением нежной материнской улыбки. Бог да благословит тебя, матушка!

На стенах сада, среди полусгнившего и обвалившегося шпалерника, виднелись ниши для статуй Мадонны, остатки крестов и кое-где надпись: „Национальное имущество“.

...Этот дом в настоящее время существует только как дорогое и священное воспоминание младшего из братьев... и живет в его душе, как нечто прекрасно-туманное и безлюдно-молчаливое. Там, среди роз, при блеске солнечных лучей, совершался в ребенке таинственный рост духа. Ничто не могло быть безмолвнее этой высокой, увитой цветами постройки, которая была монастырем когда-то, уединением – теперь и убежищем – всегда. Шум империи, однако, достигал и сюда. По временам в этих обширных монастырских покоях, среди этих развалин, под этими сводами, в промежутке между двумя войнами, отголоски которых долетели и сюда, мальчик видел возвращение из армии и отъезд в армию молодого генерала-отца и молодого полковника-дяди; милая ему, полная движения и веселого шума жизнь, вносимая в дом отцом и дядей, на минуту словно ослепляла его; потом раздавался призыв военных труб, султаны и сабли исчезали, и покой и безмолвие возвращались в монастырские развалины, где тихо подготавливалась новая заря.

Так, вдумываясь в то, что он видел, жил шестьдесят лет тому назад мальчик, и этот мальчик был я».

Г-жа Гюго вела очень уединенный образ жизни и вся отдалась воспитанию своих детей, которые обожали ее и беспрекословно ей повиновались. В саду было много фруктовых деревьев, но жильцы не имели права брать плоды.

– А те, что падают? – спросил однажды по этому поводу маленький Виктор.

– Вы их оставите на земле.

– А те, что гниют?

– Пускай гниют.

И плоды продолжали гнить на земле.

Дети в то же время прилежно учились. Старший, Абель, был в коллегии, Эжен и Виктор занимались под руководством добрых и простых людей, супругов Ларивьер. Виктор делал быстрые успехи во всем: по прошествии первого полугодия ученья он писал почти без ошибок под диктовку. Ученье шло попеременно с играми, борьбой и гимнастикой. Ум работал, и тело крепло. Ларивьеры стремились развивать как мыслительные способности, так и здоровье своих учеников.

Виктору Гюго с самого детства приходилось непосредственно знакомиться не только с прекрасными, но и с тяжелыми сторонами жизни. Самым потрясающим впечатлением, испытанным им в течение этого, вообще мирного периода его существования, был арест и казнь его крестного отца, генерала Лагори. Его Виктор Гюго никогда не мог забыть. Вот что он сам говорит об этом:

«Виктор Фанно де Лагори был бретонский дворянин, примкнувший к республике. Он находился в дружеских отношениях с Моро, также бретонцем. В Вандее Лагори познакомился с моим отцом, бывшим моложе его на двадцать пять лет. Позднее они подружились, когда служили в Рейнской армии; между ними возникли и упрочились те братские чувства, при которых воины жертвуют друг за друга жизнью.

В 1801 году Лагори был замешан в заговоре Моро против Бонапарта; голову его оценили; он не имел пристанища; мой отец принял его в свой дом; старая фейльянтинская часовня годилась на то, чтобы служить убежищем этой второй развалине – побежденному. Лагори отнесся с тою же простотою к услуге, оказанной ему моим отцом, с какою и сам, при случае, оказал бы ему подобную, – и стал жить у нас, скрываясь в тени развалин и деревьев. Отец мой и мать одни знали, что он там.

Появление его очень удивило нас, детей. Что касается старика-священника, то он в своей жизни подвергался стольким преследованиям, что разучился удивляться чему бы то ни было. Тот, кто скрывался, был для этого добряка просто человеком, знавшим, в какое время живет; скрываться – значило: понимать.

Мать велела нам молчать, а дети молчать умеют. С этого дня незнакомец перестал прятаться от домашних. К чему могла служить таинственность, когда он уже раз показался. Он обедал с нами, гулял в саду, иногда работал там вместе с садовником; он давал нам разные советы, и его уроки прибавились к урокам священника... Я не знал его имени. Матушка говорила ему „генерал“, я звал его „крестным“.

Он жил в глубине сада, в развалине, не обращая внимания ни на дождь, ни на снег, которые зимою попадали к нему сквозь лишенные стекол окна; он в часовне продолжал свою бивачную жизнь. Позади престола помещалась его походная кровать, в уголке лежали пистолеты и Тацит, которого он меня заставлял переводить...»

В 1811 году Лагори был арестован и посажен в тюрьму.

Однажды, в октябре 1812 года, г-жа Гюго, проходя с Виктором мимо церкви Св. Якова, показала сыну большую белую афишу, прибитую к одной из колонн портика. «Прохожие, – говорит Виктор Гюго, – как-то боком смотрели на эту афишу, точно со страхом, и, мельком взглянув на нее, ускоряли шаги».

Мать остановилась и сказала ребенку: «Читай!»

Он прочел следующее: «Французская империя. По приговору первого военного суда на Гренельской равнине были расстреляны за преступный заговор против империи и императора три экс-генерала: Малэ, Гвидаль и Лагори».

Понятно, что на мягкую душу ребенка эта экзекуция произвела глубокое и горькое впечатление.

К этим годам жизни Виктора Гюго относится и много приятных воспоминаний. К ним принадлежит всё, что касается возвращения дяди Луи. Он приехал из Испании, чтобы забрать с собою и перевезти туда весь большой и малый люд, принадлежащий к семье. Тотчас все принялись учиться по-испански и уехали, в 1811 году, в Мадрид, губернатором которого был сделан генерал Гюго, после того как победил партизана Хуана Мартина, прозванного Эмпесинадо.

Путешествие, полное всевозможных приключений, всяких страхов и неожиданностей, попеременно с веселыми, приятными и вечно новыми впечатлениями, совершалось медленно, с долгими остановками и неизгладимо запечатлелось в воображении Виктора Гюго. Рассказ его о нем есть своего рода комментарий к известной части его сочинений, начиная с короткого пребывания в Эрнани до поселения во дворце Массерано.

Из этого дворца, полного блеска и величия, ребенок переходит в мрачные дворы и темные коридоры дворянской коллегии. Здесь мальчик воспитывается до 1812 года, когда французов принудили уйти из Испании.

Возвращение в Париж было печальным. Семья собралась опять в Фейльянтинском переулке, куда верный Ларивьер снова начал являться, чтобы давать уроки детям. Много произошло и здесь трагического и печального в семье Гюго, но не было недостатка и в радостных днях. Характеры детей были пытливые и веселые. Мальчики быстро развивались физически и нравственно и находились под сильным влиянием своей матери, всецело проникнутой монархическими принципами.

В декабре 1813 года семья Гюго переехала на улицу Шерш-Миди, в соседство со зданием Военного суда, где жил Фуше, хороший знакомый генерала Гюго. Здесь Виктор подружился со своей будущей женой Адель Фуше. Они играли и гуляли вместе, и Виктор в ее присутствии всегда краснел и трепетал. Впоследствии он воспел ее под именем испанки Пепиты. В сущности, он, однако, вовсе не был особенно скромен и еще менее сентиментален. Любимыми играми, как его, так и Эжена с их товарищами, мальчиками Фуше, было устраивать баррикады, лазать по крышам и бороться, что приводило г-жу Гюго в ужас, так как дело никогда не обходилось без шума и крика, а иногда случались даже драки.

В то время генерал Гюго вел отступающее французское войско из Испании, жители которой героически отстаивали свою независимость. По возвращении во Францию ему было поручено защищать Тионвиль от наступающих гессенцев. Он бился до последних сил, но под конец был принужден сдать крепость союзной армии, то есть Бурбонам. Защита Тионвиля против немцев послужила поводом к обвинению генерала Гюго в измене законным государям Франции, как титуловали себя Бурбоны. Дети знали обо всех событиях этого тяжелого и смутного времени. Мать позволила Виктору абонироваться в библиотеке, где он поглощал газетные статьи, стихотворения, романы, ученые трактаты – одним словом, всё, что ему попадалось под руку.

Между тем со вступлением во Францию союзной армии возвратились и Бурбоны, чтобы занять трон своих предков. Как взрослые, так и дети с лихорадочным вниманием следили за движениями войск. Семья Гюго была знакома с генералом Люкоттом, составившим замечательную коллекцию военных планов. Рассматривая их, Виктор прекрасно выучился географии.

Империя пала. Г-жа Гюго не могла скрыть своей радости. Виктор тоже с восторгом носил лилию в петлице. Нужно прибавить, что при всем этом он невольно восхищался Бона-

партом как великим полководцем, и ему отчасти казалось обидным, что Франция, имевшая императора, должна будет теперь присягать только королю.

Политические события того времени сильно волновали мальчика еще и в другом смысле. В семейных отношениях супругов Гюго произошел полный разлад, в основе которого лежало различие политических убеждений: отец и мать поэта расстались.

Когда Наполеон вернулся с острова Эльбы, генерал Гюго, потерявший было свое положение, снова вошел в силу и настоял на помещении своих, живших при матери, сыновей полными пансионерами в учебное заведение Кордье и Декотт. Эжену в это время было пятнадцать, а Виктору – тринадцать лет. С печалью в сердце расстались дети с родительским домом; но нельзя сказать, чтобы жизнь их в пансионе была лишена всяких радостей. Оба брата вскоре сделались настоящими царьками среди своих товарищей, которые разделились на два лагеря. Одни, повиновавшиеся Эжену, называли себя «телятами»; другие, признававшие главенство Виктора, носили имя «собак». Виктор оказался страшным деспотом: он даже бил товарищей, когда они его не слушались. Музыкант и литературный критик Леон Гатей, умерший в 1877 году, талантливый и честный человек, был в то время в пансионе довольно вялым экстерном. Виктор Гюго ежедневно поручал ему покупать на два су итальянского сыра с непременным условием, чтобы кусок состоял наполовину из мякоти и наполовину из корки. Когда Леон возвращался с пармезаном, тиран осматривал покупку строгим взором и, если корки было мало, то на плечи и спину посланца градом сыпались кулачные удары, если корки было слишком много, то Виктор начинал лягаться и колотил его кулаками по ногам.

– Помните вы это доброе старое время? – говорил через пятьдесят лет Гатей поэту. – У меня до сих пор ломит ноги.

– Но ведь вы были на целую голову выше меня, зачем же вы не дали мне сдачи?

– Во-первых, я чувствовал свою виновность, а во-вторых, не смел. Вы говорили: «Я больше не буду давать тебе поручений»... и мне так хотелось плакать от этой угрозы, что я уже не думал о мщении.

Генерал Гюго намеревался отдать детей в политехническую школу. Помимо пансионских уроков, они слушали еще курсы философии, физики и математики в коллегии Луи-де-Гран. Способности их по последнему предмету не ускользнули от внимания преподавателей, и им на большом университетском конкурсе были выданы награды. Нужно, однако, добавить, что Виктор, решая задачи, мало придерживался общеизвестных классических способов; он, так сказать, предугадывал результаты и совершенно новым, своеобразным путем доходил до них – одним словом, он был «романтическим» математиком.

Эта дерзость раздражала профессоров точных наук, что, впрочем, мало заботило мальчика: *x* и *y* имели для него гораздо меньше обаяния, чем поэзия. Стихи Виктор начал писать с тринадцати лет. Темою первых из них служат Роланд и рыцарство. Мальчик тогда еще не учился стихосложению, но инстинктом угадывал его. В то время, впрочем, все писали стихи: из лиц, окружавших Виктора Гюго, этим занимался и Ларивьер, и директор пансиона Декотт, и Эжен Гюго, и целые десятки знакомых Виктору школьников. В пансионе писали не только оды, но и драмы, которые разыгрывались в старшем классе. Сдвигали столы – это изображало сцену. Под столами была уборная, там же актеры на корточках ожидали минуты своего выхода на сцену. Виктор Гюго, подобно Мольеру, исполнял в своих пьесах главные роли. Костюмы устраивались из картона, цветной бумаги и всего что Бог пошлет. По ночам мальчик, для собственного удовольствия, переводил на французский язык оды Горация и отрывки из Вергилия, задаваемые ему в классе. Однажды, во время прогулки в парижском предместье Отейль, между «собаками» и «телятами» произошло сильное сражение, и Виктору так ушибли ногу, что врачи заговорили было об ампутации. Мальчик отказался назвать «солдата», ранившего камнем «неприятельского генерала». К счастью, однако, оказалось, что резать ногу нет надобности, – раненый отделался тем, что несколько недель пролежал

в постели, занимаясь сочинениями стихов. От этого времени мать поэта сохранила около десятка тетрадей, помеченных 1815 и 1816 годами. На последней странице последней тетради автор написал: «Вздор, который я делал до моего рождения». Под этим нарисовано яйцо, внутри его находится что-то похожее на птенца. Вообще, молодой поэт не всегда был доволен своими произведениями. Так, к одному стихотворению сделано следующее примечание: «Порядочный человек может читать всё, что не зачеркнуто»... при этом зачеркнуто всё. Несколькими страницами далее находится такая заметка: «Заглавие пусть поставит тот, кто сможет; что до меня, то я еще стараюсь догадаться, какую тему развивал». Тем не менее во многих из этих детских опытов мы уже встречаем многообещающие задатки. В общем, молодой поэт был всецело под влиянием классиков и вполне предан Бурбонам. Ему говорили, что они поборники свободы, и он любил их. убеждения его в это время представляют эхо монархических симпатий его матери и взглядов его первых воспитателей. Ему сказали, что Наполеон – деспот; он стал ненавидеть его, и в тринадцать лет восклицал, обращаясь к тирану:

Tremble! voici l'instant où ta gloire odieuse
Subira du destin la main victorieuse...
(Трепещи! Наступило время, когда твою ненавистную славу
Низвергнет победоносная десница судьбы...)

Глава II

Литературная деятельность молодого поэта с 1815 до 1818 года. – Материальные лишения, которые он переносит. – Королевская пенсия. – Женитьба поэта. – Переход В. Гюго к бонапартизму. – В. Гюго как драматический писатель. – Борьба с классицизмом и цензурой.

С 1815 до 1818 года, то есть с тринадцати до шестнадцати лет, Виктор Гюго выказал необыкновенную литературную плодовитость. Он писал оды, сатиры, послания, поэмы, элегии, идиллии, подражания Оссиану, переводы из Вергилия, Горация, Авзония, Мардиала, романы, басни, сказки, эпиграммы, мадригалы, логогрифы, акростихи, шарады, загадки, экспромты!.. Есть относящаяся к тому времени комическая опера; есть трагедия, написанная по поводу возвращения Людовика XVIII; другая, с египетскими именами, «Иртамена», навеяна чтением драматических произведений Вольтера.

Первый успех, которому молодой поэт порадовался вне кружка близких, относится к конкурсу на премию Академии в 1817 году. Была задана следующая тема: «Счастье, доставляемое умственными занятиями во всех положениях жизни».

Решившись принять участие в конкурсе, юноша испытывал только одно затруднение, состоявшее не в том, как написать поэму, а как отнести и подать ее. Он в то время был еще в пансионе. Академия удостоила его работу почетного отзыва; ему дали бы и премию, но судьи приняли за насмешку строки, где поэт упоминает о своем пятнадцатилетнем возрасте. Рейнуар, несменяемый секретарь Академии, даже заявил г-же Гюго, что он с удовольствием готов познакомиться с молодым поэтом, «если тот не солгал». Г-жа Гюго возмутилась при мысли, что кто-нибудь может считать ее сына лгуном и при помощи метрического свидетельства доказала Академии возраст Виктора. Что касается его самого, то он узнал о своем успехе во время игры в кегли с товарищами; он так был занят игрою, что не бросил ее, и едва выслушал сообщение брата, рассказавшего ему о том, что поэма его принята и заслужила награду.

В следующем году он послал два стихотворения на конкурс, известный под названием «Jeux Floraux» («Игры в честь богини Флоры»), и получил две премии. Наконец, он написал оду на смерть герцога Беррийского. Прочитав ее, Шатобриан выразил желание увидеть нарождающегося поэта и назвал его «enfant sublime» (дитя с возвышенною душою). Виктор Гюго, познакомившись с ним, впоследствии, однако, более уважал, нежели любил старого легитимиста.

К этому же времени относится большое горе, испытанное молодым поэтом: мать его скончалась. Отец, с которым он был не особенно близок, не одобрял литературной карьеры из-за неопределенности ее результатов и хотел бы для своих сыновей «более положительной» профессии. Виктор, однако, оставался тверд в своем намерении сделаться писателем. Тогда генерал Гюго лишил его всякой денежной поддержки, думая этим путем заставить его покориться родительской воле. Но юноша более мужественно, нежели когда-либо, без средств, без нравственной поддержки со стороны семьи, продолжал неустанно работать в одном и том же направлении. Он впоследствии любил рассказывать о своих тогдашних лишениях и о том, как он одною котлетою питался три дня. У него в то время были две цели: достичь при помощи литературы положения и известности и жениться на Адель Фуше, которая была его невестою. Он зарабатывал пока только семьсот франков в год; этого было достаточно для одного человека, при самом скромном образе жизни, но никак не для семьи, как бы требования ее ни были малы. В «Отверженных» («Les Misérables»), говоря о бюджете Мариуса, он описывает свое собственное положение. Но вот, наконец, в печати появилась первая его книга «Оды и различные стихотворения». Совершенно неожиданно Виктор Гюго

получил за нее ежегодную пенсию в 2 тысячи франков от короля. Поэт и его знакомые приписывали щедрость Людовика XVIII впечатлению, произведенному на него книгой, и тому, что в некоторых стихотворениях поэт высказывает глубокое уважение к своему монарху; это было справедливо только отчасти, и главную роль здесь играло другое обстоятельство, о котором Виктор Гюго узнал только впоследствии. В 1822 году был открыт Сомюрский заговор. В числе заговорщиков находился молодой человек по имени Делон, сын офицера, служившего некогда под командою генерала Гюго. Молодой Делон очень опекал Виктора в его раннем детстве, играл с ним и приобрел его полное расположение. Впоследствии семьи Гюго и Делон разошлись из-за того, что Делон-отец принял на себя обязанность докладчика на процессе генерала Лагори. Тем не менее, когда Виктор Гюго узнал об аресте, грозившем Делону, он тотчас написал его матери, предлагая ее сыну убежище в своем доме; у такого преданного, как он, роялиста, прибавлял молодой поэт, никто не вздумает искать государственного преступника. Письмо было распечатано в «черном кабинете» и доставлено Людовику XVIII, который, прочитав его, с улыбкой произнес:

– У этого молодого человека очень большой талант и доброе сердце; он здесь поступает вполне честно; я дарю ему первую свободную королевскую пенсию.

Несмотря на все свое великодушие, Людовик XVIII тем не менее приказал запечатать письмо и отправить его по назначению. И если бы Делон не догадался бежать за границу, а воспользовался бы предложением Виктора Гюго, то, без сомнения, был бы арестован и казнен. Спустя долгое время Виктор Гюго узнал обо всей этой истории от директора почт Роже, забытого теперь драматического автора. Услышав рассказ о происхождении своей пенсии, поэт убежал из кабинета Роже с восклицанием ужаса при мысли, что невольно мог оказаться предателем, получившим плату за кровь своей жертвы.

Пенсия в 2 тысячи франков была в то время для Виктора Гюго настоящим богатством. Все главные препятствия к женитьбе были устранены. Генерал Гюго, начинавший верить в призвание сына, изъявил полное согласие на его брак. Сам он был уже вторично женат и жил в городе Блуа. Перед свадьбой Виктор Гюго говел и исповедовался у знаменитого Ламеннэ. Свадьба поэта, обещавшая, по-видимому, быть радостным торжеством, оказалась весьма печальною. К концу обеда, за которым собралось много гостей – родственников и посторонних, – брат Виктора Гюго, Эжен, проявил впервые признаки умопомешательства.

Вскоре после женитьбы Виктор Гюго издал свой первый роман «Ган Исландский» («*Han d'Islande*»), но не подписал его своим именем. Критика приняла его неласково. Она удивилась и рассердилась. Действительно, это был первый шаг поэта по пути романтизма, и классический дух присяжных литературных критиков как бы предчувствовал наступающий переворот в умах писателей и вкусах публики. В числе немногих доброжелателей автора оказался Шарль Нодье. Отсюда проистекла крепкая дружба, продолжавшаяся до самой смерти Нодье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.